

УДК 811.161.1'373.23 + 811.162.3'373.23 +
+ 811.35'373.23 + 81'282

С. С. Скорвид

О ВАРИАТИВНОСТИ ФАМИЛЬНЫХ ИМЕНОВАНИЙ ПОТОМКОВ ЧЕШСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматриваются системы фамильных именований внутри общин потомков чешских переселенцев, живущих в России: в нескольких деревнях под Новороссийском и Анапой на Северном Кавказе и в Среднем Прииртышье, на территории Омской области. Эти общины возникли в результате переселения на указанные территории двух разных групп чешских крестьян соответственно в конце 1860-х гг. и в начале XX в. Для сравнения выборочно привлекаются также фамильные именованя носителей переселенческого польского говора в Республике Хакасия. Автор показывает, что у северокавказских и среднеприиртышских чехов хорошо сохраняются неофициальные внутриобщинные фамилии, характерные для исходных чешских диалектных ареалов, юго-западного в первом и северо-восточного во втором случае. Им противопоставлены подвергшиеся русификации официальные фамилии, воспринимаемые их носителями как «внешние». Семантической базой комплекса внутриобщинных фамилий, восходящих в основном к притяжательным прилагательным, является выражение принадлежности к дому или семье. Особенно значима эта семантика для женских фамильных именований, в отношении которых прослеживаются примечательные параллели между рассматриваемыми группами потомков чешских и польских переселенцев в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, чешский язык, юго-западные и северо-восточные чешские диалекты, северокавказский и среднеприиртышский чешские говоры, региональная антропонимия, официальные и неофициальные фамилии, чешские и польские переселенцы в России, русификация.

Данная статья основана на материалах диалектологических экспедиций в места компактного проживания потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. в Краснодарском крае (с. Кирилловка с соседними населенными пунктами в окрестностях Новороссийска и с. Варваровка под Анапой) и начала XX в. в Омской области (д. Репинка, Новоградка и Воскресенка Калачинского района), предпринятых рабочей группой РГГУ под руководством автора этих строк в 2009–2013 гг. Для сравнения привлечены также материалы экспедиции по изучению польского говора д. Знаменка под Абаканом (Хакасия), в которой автор принял участие в 2013 г.

Распространенные у представителей названных чешских этнических сообществ вариативные деревенские — или внутриобщинные — фамилии, отражающие генезис их говоров (южночешский в первом случае и восточночешский во втором), уже отмечались нами в нескольких опубликованных и сданных в печать работах: [Скорвид, Третьякова, 2009, 50; Скорвид, 2012, 439; Скорвид, Поляков, 2013, 311–312; Скорвид, 2014 (в печати)]. Здесь же хотелось бы представить иерархическую организацию всей совокупности различных типов фамильных именованных российских чехов как одной из важных составляющих их «двуединой» языковой картины мира.

На Северный Кавказ, на территорию тогдашнего Черноморского округа, первые чешские колонисты-крестьяне приезжали с конца 1860-х гг. с австрийскими паспортами (выдававшимися, по-видимому, мужчинам — главам семей), в которых личные имена могли выступать в немецкой огласовке¹, тогда как исконно чешские фамилии, следует полагать, записывались по-чешски, с использованием (хотя и не всегда) надстрочных знаков. Так, в Новороссийском городском архиве хранится единственный дошедший до наших дней австрийский дорожный паспорт того времени, выданный в 1870 г. сроком на три года для поездки в Россию жителю Вены, родившемуся в 1850 г. в местечке Костелец в округе Будеёвице (*Kosteletz, Bez. Budweis*), «землевладельцу» (*Grundbesitzer* — крестьянин?) по имени *Венцель Дворжак* (*Wenzel Dwořak* — так, не *ák!*), и чешское свидетельство о крещении, вероятно, его отца Вацлава Дворжака (*Václav Dvořák*), 1828 г. р., сына костелецкого малоземельного крестьянина (*domkář*), выписанное в Костельце с той же целью (*Do Ruska*) в том же 1870 г. (в книге [Пукиш, 2010, 25–26] оба документа отнесены к одному лицу). Остается добавить, что фамилия *Дворжак* позже фиксируется в одном из чешских сел под Новороссийском — Глебовке.

Чешские женщины в первое время после переселения сохраняли воспринимаемые в качестве официальных (или, во всяком случае, не обиходных) адекватные фамилии по мужу либо по отцу с суффиксом *-ov-*, по-видимому, независимо от того, записывались ли они под такими фамилиями в сопроводительных немецкоязычных

¹ Например, одна из наиболее частых замен — *Франтишек* на *Франц*, и в таком виде это имя долго фигурировало у северокавказских чехов как официальное.

или иммиграционных русских документах. Об этом можно судить по надписям на старых надгробных памятниках на кладбищах в Глебовке и Кирилловке под Новороссийском: *MARIE FRANCOVNA SEDELOWA * R. 1858 † R. 1892* [Пукиш, 2010, 250] (= Sedělová?); *BARBORA PELOUCHOVA * 1832 † 3/9, 1887*; *Marije Krahulcova Roz. 1 Dubna 1862 r. Zem. 16 Července 1990 r.*² Заслуживает внимания надпись *Františka Ružičkova Provdana za Krepzem³ roz. 1889 r. zem. 1911 r.*, дающая некоторые основания предполагать, что форма на *-ová* с притяжательным суффиксом осмыслялась не столько как фамилия женщины, сколько как указание на ее принадлежность к «дому», в данном случае — к семье Ружичка, хотя умершая в возрасте 22 лет представительница этой семьи уже была замужем за неким Крепсом (что выражено гибридной конструкцией чешского причастия с типично русским предложным управлением). Это предположение позволило бы объяснить особый случай обозначения двух представительниц другой семьи формой род. п. ед. ч. мужской фамилии в надписях *Marije Luzuma 1829–1898* и *Anna Luzuma 1916–1925* (надписи на соседнем надгробии между традиционными формулами *Zde Odpočiva v Pan* (так! — С.С.) «Здесь почит в Бозе» и *Pokoj Popeli Jeičich* «Мир их праху»: *Jozef Luzum 1827–1900, Matej Luzum 1868–1925, Pavel Luzum 1912–2005*). Девичьи фамилии на *-ová* (рус. *-ова*), полученные женщинами, родившимися в конце XIX в., могли сохраняться у них на всю жизнь, ср. русскоязычные надписи *Ваикова Анешка Иосифовна⁴ 1886–1963, Ясанова Анна Иосифовна 1896–1987*. В то же время уже в надписях конца XIX в. фиксируются ранние свидетельства именовании женщин мужской фамилией без специального оформления: *FRANTIŠKA ZADRAHA 1856 1889; Kateřina Kubik Zem. 25 března (так!) 1990 r.; ZDE V PANU ZESNULA MARIE KRAHULEC 21 MAJE 1891 R.*

Семья в целом на старых надгробных надписях с обоих вышеназванных кладбищ обозначается словом *rodina*, обычно сопровождаемым постпозитивным притяжательным прилагательным с суффиксом *-ov-* от фамилии главы семьи: например, *rodina VAŠKOVA* (с последующим перечислением имен покойных и указанием их родственных отношений). Интересно встретившееся в надписи на кладбище во Владимировке образование такого притяжательного прилагательного от адъективной фамилии на *-ský*: *rodina Polanžkova Jozef Polanžky 1844–1916 Anna Polanžkova 1858–1917* (ср. «народные» образования типа *Novotnýv* от *Novotný*

² Примечательно, что при указании месяцев рождения и смерти в надписях на старых надгробиях еще употребляются их чешские названия (*dubna* ‘апреля’, *července* ‘июля’), в дальнейшем под влиянием русского языка полностью вытесненные международными.

³ Буквы *š* и *z* вырезаны в «зеркальном отражении». Фиксируемые на многих надгробиях, эти и другие ошибки в начертании букв (в том числе смешение латинских и похожих русских букв, например *N* с *I*) отражают постепенную утрату навыка использования латиницы у северокавказских чехов. Из чешских надстрочных знаков на старых надгробиях применяется (хотя и непоследовательно) только «гачек» над согласными буквами; знак долготы над гласными (‘) не ставится.

⁴ Фонетическая запись чешского женского имени *Анежка*; в отчестве — русская замена мужского имени *Йозеф* (*Josef*).

в: [Травничек, 1950, 208]). Распространенная хотя бы даже инициалом фамилия главы семьи сочетается с тем же нарицательным существительным в форме род. п. ед. ч.: *Rodina A. Jasana*. При обозначении супругов употребляется либо форма им. п. мн. ч. притяжательного прилагательного от мужской фамилии (как и в современном чешском литературном языке), либо просто исходная мужская фамилия без какого-либо дополнительного оформления. Ср.: а) *Zde v Panu odpočívají manželé Viktorovi Jan r. 1842 — z. 1887 Jozefa r. 1848 — z. 1911 Roku*; б) *FRANC i KATEŘINA KABRDA zem. 1887*.

Приведенные примеры отсутствия особого суффиксального оформления женских фамилий (*Zadraha*) и однословных семейных наименований (*Kabrda*), в конце XIX — начале XX в. еще нечастые, вкупе с употреблением отчеств (*Marie Francovna*) и другими явлениями вплоть до графических, отражают начало процесса русификации чешских переселенцев на Северном Кавказе. Продвинутой его стадию в том, что касается совпадения официальных женских фамилий с мужскими, запечатлел список «Кирилловка до войны» (1941–1945 гг.), который составила по-русски Ружена Васильевна⁵ Гайдамака, урожденная Пфлегер, 1927 г. р. В нем выступают на равных *Мареш Гермина* и *Мареш Вася*, *Роза* (русская замена чешского имени *Ружена*) и *Вася Тендер*, а также *Феня* (уменьшит. от *Филомена*) и *Роза Крагулец*, *Кубик Анина* (т. е. Анна), *Немец Клава* (в действительности — *Каролина*) и др. Русифицировалась и часть официальных мужских фамилий, становившихся — за исключением адъективных — «общими» (при их несклоняемости в качестве женских). Обычно имела место их фонетическая или фонетико-морфологическая адаптация, например: *Friml* > *Фримель*⁶, *Sysel* > *Сисель*, *Jeřábek* > *Режабек*, *Turý* > *Тупый*, *Dlouhý* > *Длоугий* (соответствующие женские фамилии — на *-ая*); в двух же случаях наблюдается переобразование исконной чешской фамилии по более привычной деривационной модели: украинской на *-ко* (*Růžička* > *Ружечко*) или русской с суффиксом *-ов-* (*Viktora* > *Викторов*, женская фамилия — *Викторова*, хотя у других жителей той же деревни сохраняется непереоформленная фамилия *Виктора*).

Однако даже при далеко идущей модификации официальных фамилий на русской почве они продолжали и продолжают выступать в прежнем облике во внутриобщинном обиходе⁷, особенно в деревенских именовании, которые у северокавказских чехов имеют специфическое, южночешское по происхождению оформление. Речь идет о формах на *-í* или *-и* (с факультативным сокращением

⁵ В свидетельстве о рождении — *Vačlavovna*. Чешское имя *Vačlav* по созвучию заменялось русским *Василий* еще с начала XX в.

⁶ Если в этом случае в качестве исходного не послужил немецкоязычный вариант данной фамилии: *Frim<m>el*.

⁷ Так, на кладбище в Кирилловке на надгробном памятнике «от детей» читаем русскоязычную надпись *Ружичка Т. Т. 1896–1962 Ружичка С. И. 1899–1974*, а в списке Р. В. Гайдамако носитель официальной фамилии *Викторов* указан как *Виктора* (но при этом *Ружечко Т.*, *Режабек П.* и т. д.).

долготы в конце слова), которые в остальном выражают принадлежность семье — либо к семье — и одновременно выступают в качестве местных, «своих» наименований семьи и отдельных ее членов обоего пола, т. е. фактически фамилий. Соответственно при упоминании в речи Елизаветы⁸ Иосифовны Халупы, официальная девичья фамилия которой была *Режабек*, ее сосед говорит: *ženská bidná / Líza / Bjeta / vona bila Jeřápků* «бедная женщина Лиза, Бета, она была (из семьи) Ержабек(ов)», а Марию Тимофеевну⁹ Викторovu (1923–2013) неофициально, а также в русскоязычном дискурсе называли *Виктору*. Другие примеры употребления форм на *-ů/-u* в качестве неофициальных фамильных именовании: *Pavel Růžičkú taki bil ten voják* «Павел Ружичка тоже был из тех солдат»; *helejte / d'eda N'emců uš si vzal hůlku* «глядите, дед Немец уже палочкой обзавелся»; *mámyna máma bila Houfků a táta bil Hraχ* «мамина мама была (из семьи) Гоуфек, а папа был Грах»; *Mán'a Sislů přece mn'ela už hůd'ata velkí* «у Мани Сисель ведь уже были большие девочки»; *soč to Růžičkú, to soč moji přátelé* «это семья Ружичка, они мои родственники»; *i Dolějšku taki mušeli sem / von'i žili v Methodejce* «и Долейшекам пришлось вернуться, они жили в Мефодиевке»; формы на *-ů* от нечешских фамилий: *Marija B'elokon'ů / ta je ešče na rok starší* «Мария Белоконь, она еще на год старше»; *tadi bil // N'emec / d'edeček / i žili tadi Šišků // nu Šiško / von bil B'elorus* «тут Немец, дедушка, и жила тут семья Шишко — ну, Шишко, он был белорус» и т. д.

Формы такого типа (*Bartošů vědro* «ведро семьи Бартоша», *Bartošů Marie* «Мария из семьи Бартоша») фиксировал в южночешских говорах еще Я. Гебауэр, усматривая в них результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. мужского рода с изменением **-ovъ > -ōv > -uo/v/ > -ů* [Gebauer, 1960, 268]. Напротив, Й. Зубаты интерпретировал подобные фамильные именовании как реликты форм род. п. мн. ч. тех же притяжательных прилагательных со старой именной флексией **-ь* [Zubátý, 1021, 263, 266]. По-видимому, в пользу последнего предположения свидетельствует то, что аналогично формам на *-ů/-u* в чешских диалектах — и в северокавказском говоре — функционируют формы род. п. мн. ч. адъективных имен собственных: например, в записях из Кирилловки *babinka / kovářů / Dlouhejχ* «повивальная бабка-кузнечиха Длоугих» (официально — *Длоу-гая*; ср. русские фамилии типа *Долгих*). В то же время отапельлятивные формы типа *kovářů* предполагают скорее сингулятивную трактовку; ср. также *Luzumů modláři / to bili modláři / jejíχ tata se modlil dicki* «Лузумы-молельщики... эти были молельщикоуы, их отец всегда молился». В любом случае формы на *-ů/-u* отвечают на вопрос *čí 'чей'*, как в диалоге *Či vona bila / babička Luzumů / nevíte? — Vona bila Tourku*. «Из какой семьи она была, бабушка Лузум, не знаете? Она была из семьи Тоурек(ов)».

⁸ Русская замена чешского имени *Алжбета* (*Alžběta*).

⁹ *Тимофей* — русская замена чешского имени *Томаш* (*Tomáš*).

Как показывают некоторые из приведенных выше примеров, деревенские фамильные именованья на *-ú/-u* фигурируют в речи северокавказских чехов наряду с официальными (не обиходными) фамилиями, прежде всего мужскими типа *Hraχ, N'emec*. Характерно, однако, что последние по контрасту с внутриобщинными формами на *-ú/-u* зачастую на подсознательном уровне соотносятся с внешней средой и соответственно трактуются как «русские». Ср. реакцию жительницы Анапы Марии Васильевны Малик (урожд. Шусс, 1931 г. р.) на вопросы госты из Чехии, уточняющей национальность и фамилию мужа информантки: [Váš manžel byl taky Čech?] — *Taki Čěχ // Malík von bil*. «Тоже чех. Малик¹⁰ он был». [Malik?] — *Ne Malik / a Maliku po česki <...> Nu Malik to / po ruski jako Málik / a po česki to je Malíkú / Šúsú* «Не Малик, а Малику по-чешски. Ну, Малик, это как бы по-русски Малик, а по-чешски Малику, Шусу». Аналогично комментировала женскую фамилию *Немец* из перечня Р. В. Гайдамако в русскоязычной переписке с автором этих строк Ирина Владиславовна Третьякова (урожд. Кабрда, 1956 г. р.): *Немец — это по-русски, чехи говорили Немцу*. Тем не менее о женщинах северокавказские чехи и теперь говорят, употребляя наряду с внутриобщинными формами на *-ú/-u* также фамилии с суффиксом *-ov(á)*, которые, видимо, воспринимаются ими как более официальные, и русифицированные фамилии, совпадающие с мужскими, ср.: *potom už <...> tuhleta babička vlastn'í se vdala za toho Hraχa / vot / i ten Hraχ tag zvostal // už maminka potom bila Hraχová i tag Hraχová i zvostala* «потом уже та родная бабушка вышла за этого Граха, вот, и так этот Грах остался, мама уже потом была Грахова и так Граховой и осталась», *tuottu Mán'u Čěχú / má familiji Čěχ / ji votet' s Čěχ vislali* «вот Маню Чеху... у нее фамилия Чех... ее оттуда, из Чехии, выслали». Встречаются у северокавказских чехов и распространенные в народном чешском языке деревенские именованья замужних женщин с суффиксом *-k(a)*, ср.: *vot Xalupú / to sou s Varvarofski // a hodn'e holek sem do Kirilki se vdali // tahle Viktorú bila votet' // jedna Viktorý toho / Edi / druhá // to bili Xalupki sestri* «вот Халупу... они из Варваровки¹¹, и много девушек сюда, в Кирилловку, вышло замуж... вот Виктору была оттуда... одна — того Викторы, Эды, вторая... это были сестры Халупки» (т. е. жены Халупы).

При обозначении семьи помимо форм на *-ú/-u* в речи иногда используются формы мн. ч. притяжательных прилагательных (как в литературном чешском языке) или, по русскому образцу, формы мн. ч. мужской фамилии главы семьи. Примеры: *žili bohato ti Kaskovi // nu von'í Kaski mn'eli ti / jak Ruski nazivali / taksi // fajetoni* «богато жили эти Касковы... ну, они, Каски, держали, как это русские

¹⁰ С долгим *í!* В последующем диалоге информантка воспринимает сокращение *í* как признак русификации фамилии, которую она затем сама произносит подчеркнуто «по-русски» с одновременным продлением ударного гласного в первом слоге; возвращая же ей «чисто чешский» облик, она использует формы на *-u/-ú*, причем факультативное сокращение *í, ú* в них уже допускается.

¹¹ Подразумеваются девушка из Варваровки, вышедшая замуж за жителя Кирилловки по фамилии *Халупа*, и две ее сестры.

называли, такси, фазтоны) (фамилия главы семьи — *Kaska*); *i Růžički tam sed'eli* «и Ружички там сидели»; *von' i Bednářiki <...> tam umřeli* «эти самые Беднаржики там умерли» и т. п.

Совершенно иное, чем в говоре северокавказских чехов, соотношение формально сходных внутриобщинных фамильных наименований наблюдается у проживающих в Среднем Прииртышье (Омская область) потомков чешских переселенцев начала XX в., прибывших сюда в связи с реформой П. А. Столыпина преимущественно с Украины, из чешской колонии Чехоград (ныне Новгородковка в Мелитопольском районе Запорожской области). Среднеприиртышский чешский говор обнаруживает многие признаки исходных для него восточночешских диалектов, в частности, и в том, что касается образования и функционирования деревенских фамилий, которые здесь строго дифференцированы по признаку пола носителя (носительницы) и по их числу.

Образования на *-ú/-u* в указанном говоре, как и в восточночешских диалектах, являются формами им. п. ед. ч. мужского рода притяжательных прилагательных, которые и в части косвенных падежей могут иметь краткие именные флексии (наряду с полными). Характерен переход от официальной мужской фамилии к деревенской во фразе *Lojza Šill'er / Širelú přijížd'el popravovat zahrátku máminou* «Лойза Шиллер... Ширелу¹² приезжал поправлять мамин сад»; другие примеры: *d'eda Vondru* «дед Вондру» и *Vondru Józa* «Йоза Вондру» (официальные имя и фамилия — Иосиф Вондра); *Vinca Švihlú i Joza Švihlú / to sou rodni bratři* «Винца Швиглу и Йоза Швиглу, они родные братья»; *Jozi Švihlova i Vinci Švihlova táta* «Йозы Швиглова и Винцы Швиглова отец» (официальная фамилия — *Швигель*); *sestra Franti Přibilova d'eda* «сестра деда Франты Пршибылова» (официальная фамилия — *Прибиль*); *Tondi Bartošova / to jak vona se čerstva naučila na českém jazyku* «жена Тонды Бартошова (официально — *Бартоша*), как быстро она научилась на чешском языке...», *vot Tonda bi vzat ešče Bartošoviho* «вот взять бы еще Тонду Бартошового» (Бартоша); *s Frantem Přibilovim* «с Франтой Пршибыловым» (Прибилем).

Женские деревенские фамилии оканчиваются в им. п. ед. ч. на *-ová* или, чаще, *-ova* (с чисто фонетическим сокращением долготы гласного в конце слова) и склоняются как полные прилагательные¹³, например: *Nu / (u)ona bila Širelova*

¹² Другой носитель той же фамилии, Федор Антонович Шиллер (1938 г. р.) из д. Новоградка, в разговоре настаивал, что *фамилия наша раньше должна была быть Ширэл*, со следующей мотивировкой: *они все чешские* (в фонетической записи — [чешк'ийе]) *фамилии должны через э писаться, а вы всех нас уже под немцев смягчили, под немцев!* Речь идет, конечно же, об отраженной в деревенской фамилии дистантной метатезе плавных, которая вообще характерна для данного чешского говора, ср. также в апеллятивной лексике *levorver* (< *revolver*), *korovlat* (< *kolovrat*) 'прялка'.

¹³ Фиксируемые в северо-восточных чешских диалектах случаи сохранения у таких женских фамилий кратких именных флексий в формах косвенных падежей ед. ч. (например, в дательном: *pan' i Jandovje*, см.: [Lamprecht, 1976, 89]) в среднеприиртышском говоре не встречаются.

«Ну, она была Ширелова» (официальная фамилия также у женщины — *Шиллер*); *teťička Manča Trpková* «тетя Манча Трпкошова» (официально — *Трпкош*); *já sem se uďivil Rajk'e Bartošovej* «я подивился Райке Бартошовой» (официально — *Барт*). Наряду с ними изредка отмечаются и народные чешские именованья женщин по мужу с суффиксом *-k(a)*, ср. *ze Švihlovoú* и *se Švihloúkoú* «со Швигловой / Швигловкой» (официально — *Швигель*).

Поскольку внутриобщинные фамилии в среднеприиртышском чешском говоре — как мужские на *-ú/-u*, так и женские на *-ová/-ova* — сохраняют самую тесную связь с притяжательными прилагательными, они имеют отчетливо осознаваемое носителями значение принадлежности, закономерно корреспондируя с посессивными формами род. п. ед. ч. адъективных имен собственных, например: *Štěpán jemu říkali / v Omsku co žil / to bil Dolejšího* «Штепан его звали, который в Омске жил, он был Долейши» (букв. *Долейшего*). С другой стороны, такие именованья могут соотноситься с адъективными местоимениями во мн. ч., ср. диалог: *Joza? — Jo / Kristin'in // jakejx? Oj hospod'i / dej mi- — A kerej von bil? «Йоза? — Да, Кристинин — каких? Ой, Господи, дай мне... — А который (букв. из каких) он был?»*

Семью в целом или нескольких ее членов обозначают формы мн. ч. на *-ovi* с кратким гласным во флексии им. и вин. п., например: *bili i Trpkóšovi / i Kadřmasovi / i ešče jakísi fam'ílji druží bili* «были и Трипкоши, и Кадермасы, и еще какие-то другие семьи»; *a ešče Balašovi druží* «а еще другие Балаши»; *naše tatínki bili dva bratra / Vondrovi* «наши отцы были два брата, Вондры»; *ešče Širelovi bi ne poznala* «еще бы я не узнала Ширелов(ых)» (офиц. *Шиллеров*). Характерно, что эти формы у среднеприиртышских чехов сохраняются и в русскоязычном дискурсе, ср. *наш 'ол в-Москве Кад'ермасови* (т. е. Кадермасов).

Обозначенная дифференциация внутриобщинных мужских и женских фамилий является важной частью языкового сознания носителей среднеприиртышского чешского говора. Вот как высказывает это омичка Елена Алексеевна Ишкова (урожд. Вондра, 1953 г. р.): *Я всегда говорила, что мужская фамилия не склоняется, а... ну и у нас всегда говорили, taki babička bila pan'í Vondrová... d'ed bil Vondrú, a nám porád říkali Vondra... Вот на уроке... а я всегда оскорблялась... поправују, že Vondrová, nu... А ее родственница Таисия Иосифовна Сычук (урожд. Яндер, 1951 г. р.), перечисляя женские фамилии в русском звучании, противопоставляет им чешские варианты: *Вондра, Яндер, Швигель, Кадермас... а mi sme tak říkali: Kadřmasová, Vondrová... Указывает она и мужские фамилии с соответствующими им женскими: *Kad(e)rmasú, Vondrú... а d'efčata — Vondrová, Kadřmasová.***

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что как северокавказские, так и среднеприиртышские чехи существуют в двойной — или еще более сложной — системе фамильных именованья, где официальным фамилиям, воспринимаемым как «внешние», противопоставлены свои, внутриобщинные. Дифференцирующий те и другие параметр приобретает также этноязыковое

измерение: официальные фамилии осознаются как «русские» (даже если они не русифицированы), а внутриобщинные — как чешские. У северокавказских чехов помимо этого внутри «своих» вычлениваются более официальные или во всяком случае не обиходные женские фамилии на *-ová* и, возможно, семейные именовании на *-ovi* (последние, впрочем, в настоящее время периферийны), обособленные от не охарактеризованных по гендерному и квантитативному признакам деревенских фамилий на *-í/-u*. У среднеприиртышских чехов такое разграничение в частной системе внутриобщинных именовании отсутствует.

В семантическом плане базой внутриобщинных фамилий, которые прежде всего у среднеприиртышских чехов сохраняют тесную связь с притяжательными прилагательными, является выражение принадлежности к семье. Особенно значима эта семантика для именовании женщин, которые, выходя замуж, получают вторую такую принадлежность — и соответственно могут выступать под двумя деревенскими фамилиями (помимо официальной). Картину усложняет наличие у многих российских чехов двойной системы личных имен, официальных и внутриобщинных, причем те и другие обрастают различными уменьшительными образованиями; в результате один и тот же человек может иметь множество зачастую достаточно различающихся вариантов именовании, как это было показано выше на примерах Е. И. Халупы из Кирилловки под Новороссийском и Ф. А. Шиллера из Новоградки в Омской области.

Типологически сопоставимая ситуация наблюдается у представителей другой обследованной в 2013 г. западнославянской переселенческой группы в России — носителей островного польского говора деревни Знаменка в Хакасии (переехавших сюда из деревни Александровка Красноярского края), предки которых, выходцы с территории Мазовшья, прибыли в Сибирь в конце XIX или начале XX в. Сходство касается особенно женских именовании. Так, информантка Таисия Готлибовна Шишко (1956 г. р.) сообщила вначале свою официальную девичью фамилию в ее польском (диалектном) облике, а затем — внутриобщинные, девичью и в замужестве: *Ja biła S'is'ka // S'is'kova // Ja S'is'kova biła / po ojcu // a k'edy po χuopu to Š'iš'kova tera ja* «Я была Сиска¹⁴... Сискóва. Я Сискóва была по отцу, а по мужу я Шишкова сейчас». Важность для подобных внутриобщинных фамилий семантики принадлежности к семье отражает следующий ее рассказ о своих родственниках с другой информанткой, которую она вначале также называет официально: *(^u)ot vi pevno č'e znata (^u)ot Ol'g'e Eduardovne Š'eš'unáč'evu / jo? // (^u)ot ona tez(') S'is'kova / to ona mn'e přixoži š'e š'ostro / jek / f třeč'im pokolen'u // muj oječ'ec i Olg'in oječ'ec to jek srodne braty / a mi jus jek třeč'e pokolen'e / to una S'is'kova / ja S'is'kova* «Вот вы, наверное, знаете Ольгу Эдуардовну Шешуначеву, да? Вот она тоже Сискóва. Она мне приходится сестрой как бы в третьем поколении. Мой отец и Ольгин отец — они как родные братья,

¹⁴ Ср. фамилию *Сыско* у одной из жительниц Знаменки (к сожалению, не охваченной опросом).

а мы уже как третье поколение. Вот она Сискóва, я Сискóва». Внутриобщинными фамилиями называет она и еще двух односельчанок, причем в одном случае — в ответ на вопрос интервьюеров, как зовут женщину, которую они хотят найти: *Jek š'e naziva? / To ona po- / f tej ulici <...> ot An'a ju vočajo / nazivajo / Funkova* «Как ее зовут? Ну, она по... на той улице, Аня ее зовут... называют... Функóва». Аналогично о родственнице из Александровки — носительнице официальной фамилии Круско: *Tomara jo nazivajo / Tomara Kruskova <...> To to óna po ĥopu / a jejna d'ev'ič'ja fam'ilija / jek z urožiny / to Jesko* «Тамара ее зовут, Тамара Крускова. Это она по мужу, а ее девичья фамилия, как по рождению, — Ес(ь)ко».

Встречающиеся у нынешних жителей Знаменки и Александровки фамилии *Сыско*, *Круско*¹⁵, женские и мужские, очевидно, возникли в результате такого же переоформления первоначально польских фамилий (*Syska*, *Kruska*¹⁶) по близкой украинской деривационной модели на *-ko*¹⁷, как и фамилия *Ружечко* из чешской *Růžička* в Кирилловке под Новороссийском. Отличие состоит лишь в более высокой степени сохранности у чехов в районе Новороссийска и Анапы, а также в Омской области, своих внутриобщинных фамилий, альтернативных по отношению к искаженным (или кажущихся таковыми) официальным.

В завершение хочется привести любопытное свидетельство тяготения некоторых северокавказских чехов к устранению этого несоответствия. Евгения (она же Божена) Тимофеевна Ружечко (урожд. Ясан, 1926 г. р.) рассказывает, как ее односельчанин Василий Павлович Ружечко побывал на встрече с чешским послом Ярославом Баштой в Новороссийске:

A von potom přišel a vokazoval tomu Baště // podívejte se / já hnet přinesu pasport svůj a podíváte se // předelejte mn'e to // já sem Růžička / a proč mn'e napsali tadi // von pá: já š nemůžu // <...> Tak von zbjehal domú a přines ten pasport a vokázal mu ho // a já poam / nu víš co Venoušku // ti seš Růžička a mi sme Ru-že-čko «А он потом пришел и показал этому Баште... смотрите, я сейчас принесу свой паспорт, и вы посмотрите... переделайте мне его! Я Ружичка, а почему мне тут написали... Он говорит: да я не могу! Тогда он сбегал домой, принес этот паспорт и показал ему... А я говорю: ну знаешь, Веноушек, ты — Ружичка, а мы — Ру-же-чко» (смех).

¹⁵ С ударением на последнем слоге: например, *Круско́ Сергей Викторович*.

¹⁶ В современной Польше фамилия *Syska* достаточно распространена, тогда как фамилия *Kruska* — редкая, причем, по данным Интернета, 10 из 12 ее носителей проживают на территории Вармийско-Мазовецкого воеводства.

¹⁷ Так, фамилия Т. Г. Шишко по мужу, похожая, как она сама отмечает, на ее девичью, — именно украинская.

- Лукиш В. С.* Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010. Ростов н/Д : Медиа-Полис, 2010.
- Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1 (в печати).
- Скорвид С. С.* *Tátovo mojeho sestra* // *Slavia : časopis pro slovanskou filologii*. 2012. Roč. 81. Č. 4. S. 433–446.
- Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления / [отв. ред. д. ф. н. Л. Э. Калнынь]. М. : Индрик, 2013. С. 305–337.
- Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти заслуженного проф. МГУ А. Г. Широковой / ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М. : МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. С. 40–54.
- Травничек Фр.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика — словообразование — морфология / пер. с чеш. А. Г. Широковой ; под ред. Н. А. Кондрашова. М. : Изд-во иностр. лит., 1950.
- Gebauer J.* *Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování*. Praha : Nakl. Československé akad. věd, 1960.
- Lamprecht A.* а kol. *České nářeční texty*. Praha : SPN, 1976.
- Zubatý J.* *Novákovic, u Nováků atd.* // *Naše řeč*. 1921. Roč. 5. Č. 9. S. 257–269.

Рукопись поступила в редакцию 14.09.2013 г.

* * *

Скорвид Сергей Сергеевич
канд. филол. наук, доцент кафедры
славистики и центральноевропейских
исследований Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, ул. Чаянова, д. 15, корп. 7,
комн. 270; тел. 8 (499) 250 65 53
E-mail: slavcenteur@gmail.com

Skorvid, Sergey Sergeevich
PhD, associate professor, Department
of Slavic and Central European Studies
Russian State University for the Humanities
15/7, Chayanov st., office 270,
125047, Moscow, Russia
tel. +7 499 250 65 53
E-mail: slavcenteur@gmail.com

ON THE VARIABILITY OF THE FAMILY NAMES OF CZECH MIGRANTS' DESCENDANTS IN THE NORTHERN CAUCASUS AND WESTERN SIBERIA

This paper deals with the systems of family names characteristic for the communities of Czech migrants living in Russia in several villages near Novorossiysk and Anapa in the Northern Caucasus and in the Middle Irtysh area in Omsk Region which emerged in the 1860s and in the early 20th century respectively, as a result of migration of two different groups of Czech peasants. The article also takes into account, though selectively, family names of the Polish

dialect speakers living in the Republic of Khakassia in Russia. The author points out that both Czech groups preserve unofficial local family names typical of the community's initial Czech dialectal zones, southwestern in the first case and northeastern in the second. These unofficial names seem to be opposed to Russified official family names which are used in communication with the world outside the community. The semantic base of local, "internal" family names coming, in general, from possessive adjectives, is built on the expression of belonging to a family or to a house, these meanings being particularly important in female family names which display some notable parallels between the observed groups of Czech and Polish migrants in Russia.

Key words: Russian language, Southwestern and Northeastern Czech dialectal zones, Czech Dialects of the Northern Caucasus and the Middle Irtysh Area, regional anthroponymy, official family names, unofficial family names, Czech and Polish migrants in Russia, Russification.

- Gebauer, J. (1960). *Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování* [Historical Grammar of the Czech Language. Vol. III. Morphology. I. Declination]. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- Lamprecht, A. et al. (1976). *České nářeční texty* [Czech Dialectal Texts]. Praha: SPN.
- Pukish, V. (2010). *Chekhi Severnogo Kavkaza: gody i sud'by. 1868–2010* [The Czechs of the Northern Caucasus: Years and Fates. 1868–2010]. Rostov-on-Don: Media-Polis.
- Skorvid, S. S. (2012). *Tátovo mojego sestra* [My Father's Sister]. *Slavia*, 81/4, 433–446.
- Skorvid, S. S. (2014). *Cheshskie pereselencheskie govory na Severnom Kavkaze i v Zapadnoi Sibiri* [Czech Immigrant Dialects in the Northern Caucasus and in Western Siberia]. *Slavianovedenie*, 1, Manuscript submitted for publication.
- Skorvid, S. S., & Polyakov, D. K. (2013). *O pronitsaemosti grammaticheskoi sistemy v situatsii mezh"iazykovoii interferentsii v govore potomkov cheshskikh pereselentsev na Severnom Kavkaze* [On the Penetrability of the Grammatical System in the Situation of Interlingual Interference in the Dialect of Descendants of Czech Settlers in the Northern Caucasus]. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. 16: Grammatika slavianskikh dialektov. Mekhanizmy evoliutsii. Utraty i innovatsii. Istoriko-tipologicheskie iavleniia* [Issues in Slavic Dialectology. 16. The Grammar of Slavic Dialects. Mechanisms of Evolution. Losses and Innovations. Historical and Typological Phenomena] (pp. 305–337). Moscow: Indrik.
- Skorvid, S. S., & Tretyakova, I. V. (2009). "Tut zhil Kirill, a tam — Mefodii..." ili Chekhi pod Novorossiiskom ["Here lived Cyril, and there — Methodius...", or Czechs near Novorossiysk]. In V. V. Krasnykh, A. G. Izotov, & V. G. Kul'pina (Eds.), *Jazyk, soznanie, kommunikaciia*, 38 [Language, Mind, Communication, 38] (pp. 40–54). Moscow: MAX Press.
- Trávníček, Fr. (1950). *Grammatika cheshskogo literaturnogo jazyka. Chast' 1. Fonetika — slovoobrazovanie — morfologija* [A Grammar of the Standard Czech Language. Part 1. Phonetics — Word-Formation — Morphology]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Zubatý, J. (1921). *Novákovic, u Nováků atd.* [Novákovic, Nováks' etc.]. *Naše řeč*, 5/9, 257–269.

Received 14 September 2013